

ЛЕНА БОНД

Его
НАВАЖДЕНИЕ

ЭКМО

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б81

Иллюстрация на обложке *СВЖ*

Художественное оформление *К. Оскаровой* и *Е. Ефименко*

Бонд, Лена.

Б81 Осколки первой любви. Его наваждение / Лена Бонд. —
Москва : Эксмо, 2026. — 576 с. — (Стеклоанное сердце).

ISBN 978-5-04-232326-3

Руслан Раевский привык побеждать. На ринге, в бизнесе, в жизни. Лишь раз он допустил ошибку, за которую не может себя простить: в попытках уберечь Анну Богданову — единственную девушку, ставшую его наваждением, — он жестоко ее оттолкнул.

Аня уехала в Москву. И Руслан убеждал себя, что это к лучшему. Пока спустя пять лет не увидел девушку в супермаркете родного города.

Он готов на все, чтобы завоевать доверие Ани: оплатить лечение ее больной матери, устроить к себе на работу, поддерживать и защищать.

А защита ей потребуется, так как за каждым их шагом следит хищник, для которого месть — единственный смысл существования.

Сможет ли Руслан уберечь Аню во второй раз или тайна, которую он хранил пять лет, уничтожит последнюю надежду на любовь?

УДК 821.161.1-31

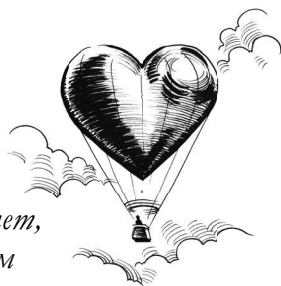
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лена Бонд, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-232326-3

*Посвящается моей маме,
которая так никогда и не узнает,
что ее дочь стала писателем*

Глава 1

Анна Богданова

— Никаких «мы» нет, Аня. II никогда не было, — ледяной, равнодушный голос Руслана словно кинжалом пронзает меня насквозь, разрывая и без того истерзанную душу на части.

— Слушай, Руслан, если Аня тебе не нужна, может, я ее себе возьму? — с ядовитой ухмылкой протягивает его друг, будто речь идет о какой-то брошенной вещи.

— Мне все равно...

Вужасе распахиваю глаза, вырываясь из объятий кошмарного сна, как утопающий из толщи воды. Сердце бешено колотится, рискуя проломить ребра, а в горле застывает беззвучный крик. Вдох. Выдох. Вдох. Это просто сон, призрак прошлого, который не имеет власти надо мной. Ничего этого нет, все давно осталось позади, *его* больше нет в моей жизни и никогда не будет.

Приподнимаюсь на кровати и дрожащими пальцами хватаю телефон с тумбочки — время 06:28,

хотя будильник стоит на семь утра. Понимаю, что нет смысла ложиться досыпать, да и вряд ли я смогу уснуть после такого кошмара.

Он ни разу мне не снился за последние пять лет, и я мысленно благодарила судьбу за это милосердие. Было бы невыносимо видеть по ночам лицо человека, которого ты больше всего на свете хочешь стереть из памяти.

Руслан Раевский... Имя, которое я пыталась вытравить из сердца каленым железом. Он ворвался в мою жизнь внезапно. Словно разрушительный ураган, снес все на своем пути, бесцеремонно забрал мое сердце, а потом безжалостно растоптал его и швырнул обратно, как никчемную вещицу, — искалеченное, изломанное, ненужное. А ведь все вокруг твердили мне, что Руслан не влюбляется, он просто использует девушек, а потом бросает, наигравшись. Но я не верила никому, кроме него. Мне казалось, что со мной он другой, я для него — особенная, но, к сожалению, очень быстро жизнь все расставила на свои места. Не просто дала мне отрезвляющую пощечину, а полностью меня уничтожила, испепелила дотла.

Я плохо помню тот период. Говорят, что иногда мозг блокирует травмирующие воспоминания. Думаю, это мой случай. Но до сих не могу забыть его пустые равнодушные карие глаза в тот день, когда он прилюдно отказался от меня и втоптал в грязь мою любовь. Именно эти глаза я и видела сегодня во сне...

Постепенно пульс приходит в норму, и я успокаиваюсь. Мало ли что может присниться. У меня уже давно другая жизнь, и в ней нет места болезнен-

ным воспоминаниям из прошлого. Настоящее — вот что сейчас имеет наибольшую ценность.

Сегодня особенный день — через несколько часов я официально заканчиваю университет и получаю такой желанный диплом юриста одного из престижных московских вузов. Впереди — долгожданный отпуск на море, о котором я давно грезила, на который копила весь прошлый год. А еще — стажировка в компании моей мечты. Я выстроила эту жизнь по кирпичику, своими руками, из пепла себя прежней...

А осенью, если все сложится, я наконец-то увижу маму. Я сама оплачу ей перелет и проживание, лишь бы она приехала. Уже представляю, как покажу ей Москву, свою новую жизнь, в которой наконец-то счастлива. Безумно по ней скучаю, ведь в последний раз мы виделись три года назад, когда она приезжала в гости на новогодние праздники. Корю себя за то, что видимся так редко, но сама не планирую возвращаться в родной город. По крайней мере не сейчас. У мамы нет возможности прилетать чаще чем раз в несколько лет, особенно после того, как мой брат женился, у него родилась дочь и мама стала бабушкой. Да, у меня есть чудесная племянница — Дашенька, но я не уверена, знает ли она обо мне, потому что отношения с ее отцом у нас, мягко говоря, сложные. Если быть точнее — их вообще нет.

За пять лет ни единого звонка или сообщения. Лишь переданные через маму дежурные поздравления с днем рождения или Новым годом, сказанные больше для приличия, чем от души. Мы никогда не ладили, и в какой-то момент я просто приняла,

что у меня нет брата. Особенно после того, как он стал поднимать на меня руку и мне приходилось стыдливо прятать синяки от окружающих. Сейчас, спустя время, понимаю, что не стоило терпеть его издевательства. Надо было рассказать все маме. Кто знает, чем бы все это закончилось, если бы не Руслан.

Черт! Опять он в моих мыслях! Как убийственный токсин, просачивающийся сквозь трещины в стене, которую я так старательно строила все эти годы. Я не знаю, что с ним и где он, как сложилась его жизнь после предательства. И, если честно, не хочу знать. Этого человека для меня больше не существует.

Чтобы окончательно прийти в себя и стереть из памяти остатки ночного кошмара, я встаю с кровати и иду в ванную. Завтра я должна собрать вещи и съехать из общежития, в котором жила последние пять лет. Моя соседка еще месяц назад сделала это и переехала жить к своему парню, а я этот момент оттягиваю до последнего, хотя парень у меня тоже есть.

Его зовут Кирилл. Мы познакомились на Дне первокурсника в первый год моего обучения и через несколько месяцев начали встречаться. Иногда я сама удивляюсь, как смогла так быстро вступить в отношения после столь болезненного разрыва, но потом понимаю, что для меня это было просто жизненно необходимо. Именно Кирилл спас меня. От всего: от самокопания, от тяги к саморазрушению, от мучительных мыслей о первой неудачной любви, от одиночества. Первые месяцы после поступления были очень сложными для меня. Одна в огромном незнакомом городе, с напрочь сбитыми жизненными ориентирами и уничтоженной

самооценкой. А Кирилл и его семья быстро приняли меня как родную. И именно с ними я почувствовала то, чего мне не хватало долгие годы, — безопасность, поддержку, любовь, родительскую заботу и внимание. Я дала себе шанс стать счастливой и позволила снова поверить в то, что могу быть любимой. Что я достойна этой любви.

Возвращаюсь в комнату и слышу звук нового уведомления на телефоне. Наверняка это Кирилл с его неизменным *«Доброе утро, солнышко»*. Он всегда пишет мне сообщения по утрам, когда мы ночуем не вместе. Но вместо этого вижу имя, от которого холодеет кровь: «Брат». Пять лет молчания, и тут вдруг...

Я беру мобильный в руки, ощущая острый приступ тревоги. Захожу в мессенджер и замираю, когда вижу сообщение:

У матери инсульт. Срочно приезжай.

Пять слов, которые переворачивают всю мою жизнь с ног на голову.

Пять лет назад я сбежала из родного города, чтобы забыться, выжить, начать все с чистого листа. Знаете, у меня ведь почти получилось. Но теперь я должна вернуться туда, где за каждым углом притаились призраки прошлого. В город, где, возможно, до сих пор живет Руслан Раевский. Справится ли мое сердце?

Глава 2

Анна Богданова

Дрожаящими от волнения пальцами пытаюсь позвонить брату, но руки слушаются с трудом. Сердце колотится уже где-то в горле, перекрывая дыхание, а в голове пульсирует и кричит одна-единственная мысль: *«Мама, мамочка, только держись, пожалуйста, держись»*.

В трубке разливаются гудки, такие холодные и безразличные. Один, второй, третий... Но в ответ лишь пустота, тишина. Брат не берет трубку, и каждая секунда ожидания растягивается в вечность.

— Ну же, Стас, ответь, — шепчу я сквозь стиснутые зубы, нервно меря шагами крохотную комнату общежития. Пять шагов туда, пять обратно. Туда-обратно. Чувствую себя, как зверь в клетке.

— Да! — наконец-то поднимает трубку он, и его голос звучит резко и раздраженно, словно я отвлекаю его от какого-то важного дела.

— Стас! — выдыхаю я, чувствуя, как дрожит голос. — Что с мамой? Как она? Где она сейчас?

— Наконец-то соизволила позвонить, — слышу знакомую язвительность, от которой по привычке все сжимается внутри. — Тебе надо немедленно приехать домой. Слышишь? Не-мед-лен-но.

— Скажи мне, что с мамой! — Мой голос практически срывается на крик. — Пожалуйста, Стас!

— А что с ней будет? — Он повышает тон, и каждое слово бьет, как пощечина. — Инсульт у нее! Пока ты там в своей Москве прохлаждаешься. Бросила мать, а теперь заботливую дочь из себя строишь! Все, Ань, нашлаялась, пожила для себя, пора и о матери подумать.

Его слова вонзаются в меня, как отравленные стрелы. Чувствую, как внутри поднимается обжигающая волна гнева, смешанного с паникой, затапливая все мое существо.

— Стас, хватит! — кричу я в трубку так громко, что саднит горло. — Я спрашиваю, что с мамой, и не собираюсь выслушивать твои обвинения! Что говорят врачи? В какой она больнице? Насколько все серьезно? Отвечай мне сейчас же!

На другом конце линии повисает тяжелая, вязкая тишина. Я слышу, как Стас напряженно дышит, словно собирается с мыслями.

— Все серьезно, — наконец произносит он, и в его голосе впервые за весь разговор слышится что-то человеческое, похожее на беспокойство. — Врачи говорят, что у нее сильное кровоизлияние в мозг. Она будет жить, но... у нее парализована вся левая сторона тела. И она почти не может говорить.

В эту секунду мир вокруг меня замирает. Звуки исчезают, краски блекнут. Холод простреливает

позвоночник, и я медленно, словно во сне, опускаюсь на край кровати, не в силах устоять на ногах. Комната кружится перед глазами. Как такое вообще возможно? Еще позавчера вечером мы с ней разговаривали, и ее голос был полон жизни, мама смеялась, делилась планами сводить внучку в игровую комнату на выходных. Рассказывала о новом сорте орхидей, который посадила на прошлой неделе. А сегодня она парализована и не может говорить.

— Это случилось вчера вечером, — продолжает Стас, и его голос будто доносится издалека. — Я на работе был, Лера пришла с Дашей домой и нашла ее на полу. Вызвала скорую. Если бы не она...

Он не заканчивает фразу, но в моей голове она звучит со всей беспощадной ясностью. Если бы не его жена, мама могла умереть. Одна. На полу. В своей же квартире, которую она делит с сыном и его семьей. От одной этой мысли внутри все леденеет, а к горлу подкатывает тошнота.

— Так вот, Аня. — Голос Стаса снова становится жестким, как наждачная бумага. — Когда ты приедешь? У меня семья, работа, я не могу сидеть с ней сутками, и Лера не сможет. А ты как раз закончила свое обучение, так что самое время вернуться и позаботиться о матери. Кто, если не ты?

Я устало закрываю глаза. Сегодня должен был быть один из самых счастливых дней в моей жизни. День, к которому я шла пять долгих лет. Вручение диплома, улыбки однокурсников, поздравления преподавателей. Но теперь все это кажется таким мелким, незначительным, блеклым на фоне страшных новостей.

— В какой она больнице? — спрашиваю я, игнорируя его вопрос.

— В первой городской. Так когда ты приедешь?

— Как можно скорее, — отвечаю я, чувствуя, как слезы отчаяния жгут глаза. — Мне нужно решить несколько вопросов здесь и...

— Решить вопросы? — перебивает брат с ядовитой насмешкой. — Ты понимаешь, что мама может остаться инвалидом на всю жизнь? Что ей нужен постоянный уход? Что...

— Я понимаю, Стас! — перебиваю я дрожащим от едва сдерживаемых рыданий голосом. — Я приеду. Очень скоро.

— Ты уж постарайся, — небрежно бросает он, и связь тут же обрывается, оставляя меня одну наедине с оглушительной тишиной.

Сию, глядя на погасший экран телефона, и чувствую, как по щекам текут горячие, горькие слезы. Мамочка. Моя сильная, энергичная, всегда улыбающаяся мама сейчас лежит парализованная в больнице и не может говорить. Эта мысль не укладывается в моей голове и разрывает сердце на части.

Я сразу же звоню Кириллу. Сейчас мне как никогда нужна его поддержка.

— Привет, солнышко. — В его голосе слышится сонная хрипотца. — Ты чего так рано? Что-то случилось?

— У моей мамы инсульт, — выдавливаю я сквозь рыдания. — Она в больнице. Парализована, почти не говорит. Я должна ехать туда, Кирилл. Должна.

— Вот же... — Он выдыхает. — Когда это случилось?

— Вчера вечером. Брат написал мне сегодня утром.

— Когда ты поедешь? И... надолго?

Этот вопрос заставляет меня замереть. Я не знаю. Понятия не имею, сколько времени потребуется маме, чтобы восстановиться. И восстановится ли она вообще. От последней мысли внутри все сжимается от давящей боли.

— Я не знаю, — честно отвечаю я, вытирая слезы. — Возможно, надолго. За ней нужно ухаживать, Кирилл. Брат не хочет этим заниматься, а я не могу ее бросить в таком состоянии. Не могу...

Наступает пауза. Я слышу, как он вздыхает, и этот вздох говорит больше любых слов.

— А как же наш отпуск? Мы же собирались на море через месяц...

Его слова ударяют как хлесткая пощечина. Не верю своим ушам. Он спрашивает меня об этом в такой момент?

— Какой отпуск, Кир?! — Я почти кричу в трубку, задыхаясь от возмущения и бессилия. — Ты серьезно сейчас? У меня мама лежит парализованная, а ты спрашиваешь про отпуск?! Про какое-то чертово море?!

— Аня, солнышко, успокойся. — Его голос сразу становится мягче. — Я понимаю, что ты расстроена. Но у тебя сегодня важный день, вручение диплома. Мои родители приедут только ради тебя, помнишь? Они очень хотят тебя поздравить. И столик в ресторане уже забронирован...

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, пытаюсь справиться с бурей эмоций. В голове сейчас сплошной хаос. Мысли о маме, о ее состоянии,

о том, что я должна быть рядом с ней прямо сейчас. И одновременно — вручение диплома, родители Кирилла, которые едут из Подмосковья ради меня, их ожидания, наши планы...

— Кир, я не могу думать сейчас ни о чем, кроме мамы, — тихо говорю, чувствуя себя опустошенной и разбитой. — Я просто не представляю, как буду улыбаться и праздновать, когда она там... когда она в таком состоянии...

— Аня, послушай меня. — Его голос становится тверже. — Сейчас ты ничем не можешь ей помочь. Врачи знают свое дело. И ты обязательно к ней поедешь, но не сегодня, солнце. Тебе в любом случае нужно уладить дела в Москве. Сегодня ты нужна здесь. Нужна мне, моим родителям. Мы так долго ждали этого дня. Ты столько работала ради диплома. Возьми себя в руки, ладно? Я заеду за тобой через два часа. Все будет хорошо, обещаю.

Я молчу, чувствуя себя разорванной на части. С одной стороны, он прав — сейчас я действительно ничем не могу помочь. Но с другой — как я могу праздновать, веселиться, принимать поздравления, когда она в таком состоянии? Когда весь мой мир рухнет?

— Хорошо, — наконец выдавливаю я, сдаваясь под напором его аргументов. Он прав, я все равно не могу уехать, пока не решу здесь все дела. — Я буду готова...

— Вот и умница. — В его голосе слышится неприкрытое облегчение. — Я люблю тебя. До встречи.

— И я тебя, — на автомате отвечаю и отключаюсь.

Несколько минут просто сижу, глядя в одну точку, не видя ничего перед собой. Потом, очнувшись,